

В ПОИСКАХ ЖАНРА

Е.Г. МИЛЮГИНА¹, М.В. СТРОГАНОВ²

Тверской государственный университет

ЛИЧНОСТЬ АВТОРА-ПУТЕШЕСТВЕННИКА В ТРАВЕЛОГЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ³

В центре внимания исследования – личность автора-путешественника и формы ее вербального представления в травелоге нового времени. Исследование, проведенное на материале тверского локального текста, позволяет выявить тенденцию превращения травелога из документального жанра в автодокументальный.

Ключевые слова: русская культура, путешествие, путешественник, травелог, индивидуальный опыт путешествия, эго-текст.

E.G. MILYUGINA, M.V. STROGANOV

(Tver State University)

THE AUTHOR-TRAVELER'S PERSONALITY IN A NEW HISTORY TRAVELOGUE

In the focus of the article lies the personality of travelling writer and forms of its verbal representation in a New History travelogue. Done on

¹ Елена Георгиевна Милюгина, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка с методикой начального обучения Института педагогического образования ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет»

² Михаил Викторович Строганов, доктор филологических наук, профессор, директор научно-исследовательского Центра тверского краеведения и этнографии ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», заведующий сектором координации научных программ Государственного республиканского центра русского фольклора (РГЦРФ, Москва)

³ Исследование выполнено в рамках поддержанного РГНФ и Правительством Тверской области научного проекта «Верхневолжские водные пути в русской культуре», проект № 14-14-69002

the material of Tver region local texts, the study reveals the tendency of turning a travelogue from a documentary genre to an auto-documentary one.

Keywords: Russian culture, travel, traveler, travelogue, individual traveling experience, ego-text.

В культурологии последних лет наблюдается необычайный бум на литературные путешествия. Анализ путешествий позволяет рассмотреть пространство не в статике (как это делается при описании социального пространства, локальных текстов), а в динамике [Милюгина, Строганов, 2013а]. Конференции, сборники, отдельные издания представляют самые разные подходы к феномену путешествия: экзистенциальный опыт социума; жизненный, мифологический или литературный сюжет [Дискурс травелога, 2008; Труды Русской антропологической школы, 2013; Феноменология, история и антропология путешествия, 2013]. Однако проблема личности путешественника, индивидуального опыта путешествия и форм вербального представления этого опыта до настоящего времени остается на периферии научного внимания [В зеркале путешествий, 2012]. Если по отношению к историческим миграциям древних народов и к различным путешествиям, совершенным знаковыми фигурами древней и средневековой истории, вопросы феноменологии уже поставлены [Зорин, 2004, 2005, 2007, 2009], то об инициативных путешествиях нового времени этого сказать нельзя.

Причина заключается в том, что инициативные путешествия позднего средневековья и нового времени в большей степени индивидуализированы и потому менее поддаются классификациям, нежели путешествия древних. Конечно, и их можно типологизировать по социокультурным функциям: представительские вояжи [Милюгина, 2012], дипломатические поездки [Агеева, 2013], гранд-туры [Ошанина, 1975], паломнические путешествия [Балдин, 2013; Кобищанов, 1999], научные экспедиции [М.В. Ломоносов и Академические экспедиции XVIII века, 2011], частные поездки [Милюгина, Строганов, 2013d]. Наш опыт такой классификации мы изложили в ряде публикаций [Милюгина, Строганов, 2011, 2013b, 2013c]. Однако подобный функциональный подход к типологии, при всех своих преимуществах, наиболее корректно применяется лишь к групповым путешествиям с

определенной иерархией внутри нее. Таковы представительский вояж (монарх в сопровождении свиты), посольство (посол в сопровождении свиты), община паломников, экспедиция (рабочая группа во главе с руководителем), экскурсия (экскурсанты с гидом) и др. Эту модель имитируют более поздние образования типа дорожников и путеводителей, которые сами являются гидами по отношению к читателям. Когда же исследователь обращается к материалам индивидуальных инициативных путешествий, такой подход требует от него обобщения, сведения в воображаемый микросоциум тех путешественников, которые совершали индивидуальные поездки по близким маршрутам в одну историческую эпоху, но в реальности не встречались.

Условное моделирование подобных воображаемых групп, продуктивное для выявления социальных параметров путешествия как формы жизни или рекреации в ту или иную эпоху, чревато утратой внимания к индивидуально-личностному началу путешествий. Чем шире набор параметров типологизации, тем очевиднее в ней отражается социокультурная специфика эпохи, точнее – культурно-исторические потребности социума в путешествии и их реализация. Любой путешественник: купец, дипломат, миссионер, ученый и даже государь – является живым инструментом (живой функцией) социума-отправителя. Дело в том, что, выполняя государственные, торговые и духовные потребности социума-отправителя, путешественник не властен в перемене маршрута, в выборе остановочных пунктов и прочем. Однако в реальном пространстве путешествия этот путешественник не теряет своей индивидуальности, поскольку человек, не обладающий самостоятельностью и личной предприимчивостью, совершить путешествие по определению не может. В пространстве текста травелога, который был составлен либо в процессе путешествия, либо по его завершении, индивидуальный, личностный опыт путешественника мог быть выражен в разной степени. Степень этой выраженности зависит от публичного или частного характера текста, от его адресата, от меры востребованности реальным читателем обретенного путешественником опыта и т.д. [Милюгина, 2014].

Стремясь преодолеть ограниченность функциональной типологии, нивелирующей индивидуальность путешественника, мы в настоящей публикации ставим в центр внимания путешествующую личность, феноменологию ее опыта путешествия и формы

представления этого опыта в тех или иных жанрах травелога. Внежанровый анализ травелогов мы считаем в данном случае продуктивным, поскольку жанр, «заданный» путешественнику социумом (реляция, отчет, путеводитель, дорожник и проч.), также функционально ограничен, но за пределы этих границ автор вольно или невольно выходит как живой наблюдатель и непосредственный повествователь.

Конкретным материалом исследования является лично ориентированный опыт путешественников, осваивавших пространство одного региона; в данном случае это тверской локальный текст [Тверь в записках путешественников, 2012, 2013, 2014]. Путешественники XVI–XVII вв. (дипломаты, купцы, миссионеры), судя по дошедшим до нас источникам, отправлялись только в групповые вояжи, что обусловлено двумя рядами причин: внутренними (задачи поездки) и внешними (трудности пути).

Групповой характер путешествия определяет и общий тон повествования о нем. Так, посол Священной Римской империи С. Герберштейн, датский посол Я. Ульфельдт, географ в составе голландского посольства Н. Витсен не выделяют себя из состава дипломатической миссии. Для их записок характерна форма *мы*, обозначающая некое сообщество, нерушимое на протяжении всего текста. У Герберштейна (1517): «...совершив столь трудный и опасный путь, мы прибыли, проехав семь миль, в Хотилово (Chotilowa), ниже которого переправились через две реки – Шлину (Schlingwa) и Цну (Snai) в том месте, где они сливаются и впадают в реку Мсту, и достигли Волочка (Wolochak); там в день Пасхи мы отдохнули. <...> На следующий день, проплыв семь миль по реке Тверце, мы пристали к Медному (Medina, A Medna). Отобедав здесь, мы опять сели на наше суденышко и через семь миль достигли славнейшей реки Волги, а также княжества Тверь. Здесь мы взяли судно побольше и поплыли по Волге» [Тверь в записках путешественников, 2012, с. 24–25].

Проблемы и тяготы пути не разрушают единства сообщества и в путешествии Я. Ульфельдта (1578): «...на тех же несчастнейших животных, которые везли нас от Новгорода, мы, <проделав> еще 9 миль, прибыли в город Коломну; отсюда 11 августа мы проделали путь в 5 миль и приехали в город Вышний Волочек <...>. 12-го <августа>

мы снялись с лагеря и вечером этого же дня прибыли в Выдропуск, проделав путь в 7 миль. <...> Отсюда на конях и повозках 13-го августа мы прибыли в Торжок, отстоящий от вышеописанного места на 7 миль. <...> Отсюда мы отправились 14-го <августа> и прибыли в Тверь» [Тверь в записках путешественников, 2012, с. 26–28].

Перемещение во внешнем пространстве и его переживание авторы XVI в. мыслят одинаково трудными / комфортными для всех участников вояжа, равно как и реакцию на дорожные перипетии и обретаемый в пути внутренний опыт путешествия. Поэтому они описывают путь как общий, единый для всех участников вояжа: в их текстах мы не находим ни индивидуальных переживаний, ни лично окрашенных наблюдений. Свой внутренний мир автор как будто не замечает. При этом автор в тексте идентичен автору биографическому, никакого зазора между ними нет.

На фоне подобных обобщенно-личных путешествий XVI–XVII вв. выделяется травелог Н. Витсена (1665). В целом здесь также доминирует слитно движущееся в пространстве Тверского края *мы*: «Проехали 4 мили до Вышнего Волочка <...> Мы снова проехали 6 миль до Выдропужска». Однако эти общие впечатления перемежаются индивидуальными наблюдениями автора: «Здесь я видел, как одна пара танцевала по-польски». А при незапланированной остановке в Торжке слитное *мы* вдруг рассыпается, и появляется *я* автора. Это *я* любопытствует, наблюдает, удивляется, эмоционально восклицает: «Там <в Торжке> видна башня странного строения <Вознесенская церковь, 1653>, которую я зарисовал; есть здесь и <Воскресенский> женский монастырь <XVI в.> 8–11 января. Любопытство привело меня в дом купца, куда я был приглашен на обед <...> Я видел здесь попа, выходящего из церкви, с крестом и еще во всем облачении, с кропилом и т.п. прямо со службы, он был пьян, приставал, как это делают пьяницы, выкрикивал множество глупых слов и чуть не подрался с нами. Я видел также, как дети слетали с высоких, крутых гор на длинных дощечках быстрее стрелы из лука, ужас!» [Тверь в записках путешественников, 2012, с. 33–37].

Любопытствующее *я* Витсена – это не просто созерцатель, но человек действия, который не лишен склонности к авантюрам и потому готов предпринять незапланированную поездку инкогнито, сама мысль о которой для члена посольской миссии недопустима: «Наступал большой праздник поклонения волхвов <Богоявление>; я

очень охотно тайком отправился бы в Москву, откуда мы находились только в двух днях пути, чтобы там посмотреть на праздник» [Тверь в записках путешественников, 2012, с. 38]. Впрочем, Витсен не покидает миссии, и дальнейшее путешествие в Москву описано в традициях Герберштейна и Ульфельдта – с единым, слитным *мы*.

Таким образом, в движении по мерно размеченному верстами и ямскими слободами пространству авторы травелогов XVI–XVII вв. мыслят себя едиными со своими спутниками; этого единства не разрушают даже постоянно возникающие дорожные опасности, которыми так же мерно насыщен путь. Этот опыт переживания пути выражен в тексте обобщенным образом повествователя *мы*. И только непредвиденная остановка в пути или затянувшаяся сверх ожиданий задержка взрывают в сознании автора инерцию заданного отправителем или спутниками размеренного движения, инерцию метра маршрута. Аритмия пути [Милюгина, Строганов, 2013а, с. 73–75] высвобождает личную инициативу, и если в пути такая остановка случается, то в тексте проявляется личность автора, его *я*, пока еще, правда, биографическое.

В травелогох начала XVIII в. форма повествования изменяется, что является симптомом формирования нового сознания путешественника. Приведем характерный пример того, как прежнее обобщенно-личное *мы* начинает вытесняться авторским *я*. Тверской маршрут датского посланника Ю. Юля, запечатленный в его записках (1709), полностью совпадает с маршрутом Герберштейна: «26-го. <...> Из <Хотилова выехал> в 4 часа и, <сделав> 35 верст, прибыл в 8 ч. вечера на царское подворье в Вышний Волочек, где был пятый ям. <...> Из <Вышнего Волочка> выехал в 9 часов и, <сделав> 35 верст, прибыл в час в Выдропуск <...>. Отправился оттуда далее в 3 ч. утра. 27-го. <Сделав> 35 верст, прибыл в 8 часов утра в город Торжок, где был 6 ям. <...> Выехал я из <Торжка> в 9 ч. и, <сделав> 34 версты, прибыл в 3 часа пополудни в Медное, <где> меня снова ввели в царский дом. Покормив <лошадей>, выехал из <Медного> в 4 часа и, <сделав> 27 верст, прибыл вечером в Тверь». Но субъектная подача текста здесь иная: *я* сменило *мы*, и это означает, что путешественник мыслит себя отдельно от спутников даже в том случае, когда путешествует во главе миссии. Смена авторского позиционирования в

тексте – не формальность: это сигнал, что путешественник осмысляет себя индивидуальностью, выделяет себя из массы путешествующих вместе с ним. Поэтому наблюдения и переживания пути обретают индивидуально-личностную окраску: «Свистали они <скоморохи> так громко, что стена отражала звук, и хотя <все эти люди> стояли против меня, казалось, что они одновременно находятся и спереди, и сзади»; «В санях, несмотря ни на какой холод и мороз, мне лежалось так хорошо и тепло, что, когда по моему приказанию их закрывали со всех сторон, я скорее мог бы пожаловаться на жару, чем на холод»; «Тут <в Вышнем Волочке> осмотрел семь флейтов, стоящих на Мсте <...> Суда эти построены из дуба, с виду красивы и изящны, но <сидят> неглубоко и груза <подымают> весьма мало». Однако переход с *мы* на *я* произошел не сразу и охватил не всех людей: секретарь посольства Юля Р. Эребо в параллельном тексте сохраняет традиционное для предшественников обобщенно-личное *мы* [Тверь в записках путешественников, 2012, с. 43–48]. Очевидно, позволить себе новую форму репрезентации могло пока только лицо высокого социального статуса.

Впрочем, подобная форма могла быть результатом не только позиционирования автора, но и реакцией на уважительное отношение автохтонов, подтверждающее признание его высокого статуса другими. Гольштейнский дворянин Ф.-В. фон Берхгольц (1721) писал: «Здесь <в Городне>, когда я обедал, священник <церкви Рождества Богородицы> поднес мне с низким поклоном большой хлеб, на котором сверху лежала соль. Таков национальный обычай, соблюдаемый с знатными людьми. Я, со своей стороны, подарил ему полтину» [Тверь в записках путешественников, 2012, с. 58].

Обратиться к форме *я*-высказывания путешественников по-прежнему побуждают импульсы удивления и желание запечатлеть в травелогe обретенный в пути личный познавательный и эмоциональный опыт. Так, ганноверский резидент Ф.Х. Вебер (1716, 1718) с увлечением пишет о проведенном им микроисследовании появления финнов (карел) на Тверской земле: «В одном селении близ города Твери я с удивлением услышал двух русских, говоривших на чуждом языке, именно на финском. Когда я спросил их, русские ли они и если природные русские, то не жила ли они в Финляндии, они сначала не хотели совсем отвечать, но наконец сказали, что они русские и никогда далеко от своей деревни не уходили, а выучились

говорить по-русски и по-фински от своих родителей; при этом они указали мне на одного старика, который мог сообщить мне более сведений по этому предмету. Этот старик рассказал, что отец его, в числе нескольких тысяч других финских жителей, во время смут и враждебных столкновений между русскими и шведами оставил свое отечество и отдался под покровительство царя; эти колонии поселились в разных местах до самой Твери и до сих пор удержали финский язык, хотя и довольно уже испорченный» [Тверь в записках путешественников, 2012, с. 54]. В этом фрагменте отчетливо выражено авторское *я* с характерными для него эвристическими наклонностями, тогда как в целом травелог имеет невыявленного повествователя.

Собственно говоря, всё дальнейшее движение травелога строится именно в направлении от невыявленного автора к персонифицированному и даже однозначно идентифицируемому. Новая литература восстанавливает равенство автора текста и автора биографического, но уже на новом уровне развития. Так, в частности, А.Т. Болотов представляет себя как путешественник, который организует путешествие и разрабатывает его возможный сценарий: «Всех нас было пятеро: я, да двое слуг, да два повозчика, ибо отправлялся я на двух повозках. Для себя избрал я маленькую дорожную и самую легкую покоевую коляску, а другая повозка была с нашею дорожною провизиею и самая та, на которой приехал ко мне из Кашина посланный. Чтoб придать обоим моим слугам некоторый вид военных людей, то одел я их в красные камзолы с рукавами и синими обшлагами и воротниками, и препоясал замшевыми портупьями, с привешенными на бедрах их старинными палашами» [Тверь в записках путешественников, 2012, с. 66]. В этом смысле он напоминает западного путешественника допетровских времен. Но он иронизирует над своими сборами и приготовлениями, которые по преимуществу оказались напрасны, – и в этом смысле он уже человек нового времени.

В знаменитом и ключевом для русской культуры путеводителе И.Ф. Глушкова (1801) мы пока еще видим невыявленного автора, который проявляется в лирически окрашенных фрагментах повествования: в описании панорамы Торжка и интерьеров Борисоглебского собора, в описании спуска кораблей на воду в

Вышнем Волочке, в описании окрестностей Твери [Тверь в записках путешественников, 2012, с. 145–170]. Глушков, как можно судить, был личностью яркой и литературно одаренной. Но из его путеводителя мы никоим образом не можем узнать, что он достаточно крупный петербургский чиновник. Автор не представляет себя как персонажа, ибо такая репрезентация ему ничего не дает.

Следующий важный шаг в формировании персонифицированного автора делает А.О. Ишимова (1844), которая ведет повествование в травелоге от лица некоей дамы, которая занимает по отношению к семейству, с которым она путешествует, близкое, но не родственное положение, так что в конце концов читатель понимает, что повествовательница – гувернантка молодых людей [Тверь в записках путешественников, 2012, с. 263–281]. Ишимова сознательно манифестирует социальный статус повествовательницы, выражает круг ее культурных запросов и педагогических функций, изображает ее ролевое поведение в диалогах и непосредственных контактах с другими персонажами повествования. Читателю, знакомому хотя бы с отдельными биографическими данными Ишимовой, совершенно ясно, что автор путешествия имеет прототипическую основу в авторе Ишимовой. Но полной идентификации пока еще нет, как нет идентификации между персонажем и прототипом.

Совершенно оригинальную форму идентичности биографического автора и автора в тексте (путешественника) создает известный историк М.И. Семевский, издатель журнала «Русская старина». Путешествие Семевского (1861) в целом тоже оригинально: он посещает почти исключительно учебные заведения и пишет в основном о них. В Твери, выйдя из здания дворянской гимназии, Семевский оказывается на Соборной площади, за которой он видит Путевой дворец. К нему подходит местный житель преклонных лет и заводит разговор, в ходе которого начинает резко критиковать историков самых разных направлений. «Немцы» он критикует за то, что они «немцы»: «разные Гольцы, Берхгольцы, Швульцы, Шульцы, черт знает какие Гольцы». В этом ожесточенном выпаде звучит имя гольштейнского дворянина Ф.-В. фон Берхгольца, автора путевого дневника 1721–1724 гг. с описанием четырех поездок через Тверской край [Тверь в записках путешественников, 2012, с. 57–64]. Из русских историков персонально обругивается «Михаил Николаич Л-в», т.е.

М.Н. Лонгинов, литератор, поэт, историк литературы, позднее начальник главного управления по делам печати Министерства внутренних дел. Наконец собеседник заявляет: «А теперь этот Семевский... Извольте знать?» И автор-путешественник пишет: «Я отвечал отрицательно» [Тверь в записках путешественников, 2014, с. 52]. Собеседник зло отзывается об исторических сочинениях Семевского, еще один раз называя его по фамилии.

Был ли такой инцидент или это длиннобородый анекдот – для нас не важно. Кстати заметим, что анекдотическое столкновение точек зрения путешественника и автохтона – это вообще любимый прием травелога как жанра массовой литературы. Анекдотами полны в обязательном порядке все травелоги иностранцев (быть в варварской России и не увидеть ничего замечательно смешного просто невозможно). Но и русские путешественники: и Глушков, и Ишимова, и П.И. Небольсин [Тверь в записках путешественников, 2012, с. 324–349] – так или иначе обращаются к анекдоту или анекдотическому приключению. Даже сугубо лингвистическое наблюдение может быть подано как анекдот, как любимая поговорка новаторов «Нашей рицы цыщи в свицы нит» (Нашей речи чище в свете нет). Даже лишенный скептического склада мыслей путешественник (как, например, Ф.Н. Глинка) прибегает к анекдоту, хотя и историческому, рассказывая о местных достопримечательных людях и событиях [Тверь в записках путешественников, 2012, с. 171–240].

Тут у Семевского ничего новаторского нет. Перед нами в любом случае специальный литературный прием, цель которого состоит в том, чтобы создать комический эффект и идентифицировать автора травелога. Автор травелога историк Семевский не стремится оспаривать своего собеседника и тем самым утверждает, что стоит существенно выше его, поскольку игнорирует его инсинуации. Игнорирование позиции собеседника лишний раз утверждает справедливость позиции автора травелога как историка и адекватность его взглядов на современность как путешественника. Смех в данном случае на самом деле оказывается оружием сильного.

Такой прием время от времени встречается в литературе. Например, в поэме А.А. Ахматовой «Реквием» автор поэмы – это именно Ахматова, а не собирательный образ женщины, пережившей

репрессии советской России 1930-х гг. Возможно, нечто аналогичное мы видим и в живописи, когда художник, как Веласкес в «Менинах», изображает самого себя как одного из персонажей. Но применение этого приема в данном случае несколько иное. Он превращает травелог из документального жанра, каковым мы его видим еще у Ишимовой, в автодокументальный жанр. Травелоги Глушкова и Ишимовой, при всех их различиях, свидетельствуют о дороге, о путешествии. Травелог Семевского свидетельствует не только о путешествии, но и о нем самом.

В дальнейшем это автодокументальное начало станет едва ли не обязательным для всех травелогов. Авторы не только не будут скрывать своего авторства, но станут нарочито демонстрировать его. Но это будет уже совсем другая тема.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агеева, О.Г. Дипломатический церемониал императорской России. XVIII век / О.Г. Агеева. – М.: Новый хронограф, 2013. – 928 с.

Балдин, К.Е. Русские в Святой земле: паломнические дневники как источник / К.Е. Балдин // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. – 2013. – № 2. – С. 45–52.

В зеркале путешествий: материалы международной научной конференции «Родная земля глазами стороннего наблюдателя. Заметки путешественников о Тверском крае» / ред.-сост. Е.Г. Милюгина, М. В. Строганов. – Тверь: СФК-офис, 2012. – 320 с.

Дискурс травелога: сборник статей / авт.-сост. О.Ф. Русакова, В.М. Русаков. – Екатеринбург: ИМС – ИД «Дискурс-Пи», 2008. – 184 с.

Зорин, И.В. Феноменология путешествий: в 8 ч. / И.В. Зорин. – М.: Советский спорт, 2004–. Ч. 1: Этнология путешествий. – 2004. – 128 с.; Ч. 2: Мифология путешествий. – 2005. – 254 с.; Ч. 3: Философия путешествий. – 2007. – 443 с.; Ч. 4: Апостольство путешествий. – 2009. – 274 с.

Кобищанов, Ю.М. Встреча христианских цивилизаций в святых местах Палестины и Египта (глазами русских паломников XV–XVIII веков) / Ю.М. Кобищанов // Богословские труды. – 1999. – № 35. – С. 197–204.

М.В. Ломоносов и Академические экспедиции XVIII века / авт.-сост. О.А. Александровская, В.А. Широкова, О.С. Романова, Н.А. Озерова. – М.: РТСофт, 2011. – 272 с.: 210 ил.

Милюгина, Е.Г. Образ Тверского края в «Путешествии Екатерины II в полуденный край России в 1787 году» / Е.Г. Милюгина // Вторые Конкинские чтения: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием / отв. ред. М.В. Мосин. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2012. – С. 156–160.

Милюгина, Е. Г. Путевые эго-документы: пространство физическое и ментальное / Е.Г. Милюгина // Эго-документальное наследие российской провинции XVIII–XXI веков: проблемы выявления, хранения, изучения, публикации: сб. науч. ст. / отв. ред. Т.И. Любина. – Тверь: СФК-офис, 2014. – С. 200–206.

Милюгина, Е.Г., Строганов, М.В. Динамический текст русской культуры: пространство в зеркале путешествий / Е.Г. Милюгина, М.В. Строганов // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. – 2013. – № 3. – С. 70–77.

Милюгина, Е.Г., Строганов, М.В. Из опыта работы над сводом травелогов «Тверской край в записках путешественников XVI–XX веков» / Е.Г. Милюгина, М.В. Строганов // Труды Русской антропологической школы. М.: РГГУ, 2013. – Вып. 13. – С. 203–214.

Милюгина, Е.Г., Строганов, М.В. Принципы изучения «тверских» травелогов XVI–XX веков / Е.Г. Милюгина, М.В. Строганов // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. – 2011. – № 3. – С. 37–43.

Милюгина, Е.Г., Строганов, М.В. Русская культура в зеркале путешествий: монография / Е.Г. Милюгина, М.В. Строганов. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/134493002.pdf>. – (Дата обращения: 12.12.2013).

Милюгина, Е.Г., Строганов, М.В. Частное путешествие как документальный жанр: тверской материал / Е.Г. Милюгина, М.В. Строганов // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. – 2013. – № 6. – С. 39–45.

Ошанина, Е.Н. Дневник русского путешественника первой четверти XVIII века / Е.Н. Ошанина // Советские архивы. – 1975. – № 1. – С. 105–108.

Тверь в записках путешественников XVI–XIX веков / сост., вступ. ст., биогр. справки, подгот. текста и коммент. Е.Г. Милюгиной, М.В. Строганова. – Тверь: ТО «Книжный клуб», 2012. – 416 с.: ил. + 16 с. цв. ил.

Тверь в записках путешественников. Вып. 2: Записки XVIII–XIX веков / сост., вступ. ст., биогр. справки, подгот. текста и коммент. Е.Г. Милюгиной, М.В. Строганова. – Тверь: ТО «Книжный клуб», 2013. – 436 с.: ил. + 16 с. цв. ил.

Тверь в записках путешественников. Вып. 3: Водные пути Верхней Волги. Вторая половина XIX – начало XX века / сост., вступ. ст., биограф. справки, подгот. текста и коммент. Е.Г. Милюгиной, М.В. Строганова. – Тверь: ТО «Книжный клуб», 2014. – 464 с.

Труды Русской антропологической школы. – М.: РГГУ, 2013. – Вып. 13. – 355 с.

Феноменология, история и антропология путешествия: тезисы международной Гумбольдтовской конференции / сост., ред. М. Кобельт-Гробах, О. Кулишкина, Л. Полубояринова. – СПб.: Свое издательство, 2013. – 180 с.